

STUDIA HISTORICA



А. Ю. АНДРЕЕВ

**МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
РОССИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА**



ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2000

ББК 63.3(2)
А 65

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)
проект 99-06-87016



Андреев А. Ю.

А 65 Московский университет в общественной и культурной жизни
России начала XIX века. – М.: Языки русской культуры, 2000. –
312 с., ил. – (Studia historica).

ISBN 5-88766-019-8

Книга посвящена одному из важнейших периодов истории Московского университета – первому десятилетию XIX века. Именно в это время формируются и развиваются главные черты, определившие в дальнейшем облик университета и российской высшей школы в целом. Очерк университетской истории представлен в книге на широком фоне культурной жизни русского общества начала XIX века. Даны яркие портреты профессоров и студентов того времени, среди которых Грибоедов, Чаадаев, многие будущие декабристы. Книга написана на основе большого круга архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Книга адресована всем читателям, интересующимся историей русской науки и культуры.

ББК 63.3(2)

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© А. Ю. Андреев, 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	7
Источники и историография	10
Глава 1. Реформы Московского университета 1803—1806 г. и его первый попечитель М. Н. Муравьев	35
1. Университет на рубеже XVIII—XIX веков	35
2. Первые шаги университетских реформ	40
3. М. Н. Муравьев и его роль в создании университетского устава 1804 г.	44
4. Просветительская политика М. Н. Муравьева на посту попечителя Московского университета	60
Глава 2. Развитие университетского самоуправления в 1803—1812 гг.	72
1. Университетская «ученая республика»	72
1.1. Ученое сословие и общество	77
1.2. Старшее поколение профессоров	83
1.3. «Молодые» профессора	88
1.4. Профессора-иностранцы	94
2. Внутренняя жизнь университета в 1803—1812 гг.	104
2.1. Ректорство Х. А. Чеботарева и П. И. Страхова	104
2.2. Изменение университетской атмосферы при попечителе графе А. К. Разумовском	112
2.3. Указ 6 августа 1809 г. Проблемы дальнейшего развития университетских реформ	119
2.4. Деятельность попечителя П. И. Голенищева-Кутузова и ее последствия	130
Глава 3. Преподавание наук и научная деятельность Московского университета	141
Глава 4. Учеба и быт воспитанников Московского университета в начале XIX в.	186
1. Подготовка к обучению в университете	186
1.1. Академическая гимназия	186
1.2. Университетский благородный пансион	192
2. Студенческий состав университета. Учебный процесс	207
3. Повседневная жизнь московского студенчества	219
3.1. Дружеские собрания и литературные кружки воспитанников Московского университета	237
Заключение	255
Приложение 1. Доклад комитета по рассмотрению уставов ученых заведений от 8 августа 1802 г.	257

Приложение 2.

М. Н. Муравьев. «Проект Устава Московского Императорского Университета»	271
--	-----

Приложение 3.

Состав Московского университета за 1804—1812 гг.	287
Архивные фонды	289
Библиография	291
Указатель имен	303

ВСТУПЛЕНИЕ

История Московского университета составной частью входит в изучение истории русской культуры. При этом затрагиваемый ею культурный пласт настолько широк, что трудно провести границу между собственно университетской жизнью и интеллектуальным, научным, литературным, философским, социально-политическим развитием общества в целом, так тесно они связаны множеством нитей, составлявших единство идей и человеческих судеб.

В узком смысле историю университета можно понимать как историю создания и развития конкретного учебного заведения в составе общей структуры учреждений Российского государства. С этой точки зрения ее содержанием является изучение и сравнительное описание университетских уставов, принципов преподавания, взаимоотношений профессоров внутри университета, так же как и их отношений с университетским начальством вне его; здесь необходимо определить роль и место университета в системе российского образования и соотнести их с правительственной политикой в сфере народного просвещения.

Однако такой подход, хотя и чрезвычайно важный для понимания особенностей университетской жизни, оставляет в стороне ее главное содержание — живое творческое развитие внутри и через посредство университета русской культуры. Исследование этой задачи гораздо сложнее и требует привлечения значительного круга источниковых материалов различного характера. С одной стороны, мы сталкиваемся здесь с проблемой изучения развития в целом русской науки, поскольку одна из важнейших культурных функций, которую нес на себе университет, заключалась в его роли научного центра общества. Изучая университетскую науку во всех отраслях знаний, мы должны не только отдавать себе отчет в ее успехах и недостатках, но и соотнести ее состояние с мировым уровнем, рассмотреть, насколько свободно и плодотворно циркулировали здесь идеи, волновавшие мировое ученое сообщество, от которого российская наука неотделима.

С другой стороны, степень взаимосвязи университета и культурной жизни России не определялась исключительно развитием науки. Выступая в качестве мощного аккумулятора идей, университет притягивал к себе мыслящую часть «молодой России», не только образовывал молодое поколение, передавая ему накопленные знания, но и безотчетно содействовал формированию новых культурно-общественных связей, способа мыслей и характера действий. Творческая среда московских студентов и преподавателей распространяла свое влияние далеко за пределами Москвы, господствовавшие в ней идеи часто составляли физиономию целого поколения.

В избранный нами период времени (1803—1812 гг.) названные группы проблем чрезвычайно значимы для университетской истории. Нижняя его граница определяется началом александровских преобразований системы народного просвещения. К началу XIX века Россия подошла, имея за плечами уже две волны реформ — Петра I и Екатерины II, направивших ее по пути европеизации. Для Александра I его преобразования представлялись естественным продолжением деятельности предшественников. Речь, таким образом, шла о новом этапе европеизации России, особенностью которого было гораздо большее, чем при предыдущих реформах, даже во времена Екатерины, влияние идей и духа европейского Просвещения.

Новое просвещение России было ключевой мыслью Александра при начале реформ и залогом их дальнейшего успеха; так его воспитывали учителя при дворе «просвещенной» бабушки-Минервы, так мечтал он сам, оставив Россию в благоденствии, преображенную расцветом наук и искусств, «удалиться когда-нибудь на покой». Если петровские преобразования побочно затрагивали науку, рассматривая ее практическую сторону как инструмент для решения государственных проблем и ликвидации отставания России по сравнению с Западом, то теперь наука и просвещение вставали в центр концепции реформ, являясь скорейшим средством для распространения добродетели и свободы граждан, как об этом писали европейские философы. Некоторые оговорки о вреде наук, появившиеся после Французской революции, в сущности не меняли дела. В конечном счете, такое просвещение должно было затронуть всех людей, находившихся на государственной службе, в особенности дворян как привилегированную их часть. Поэтому его наивысшим воплощением стал подготовленный Сперанским известный указ об экзаменах на чин по всему энциклопедическому кругу знаний. Если Петр деспотически требовал от своего дворянства практических навыков к исполнению службы, то Александр «отечески» советовал подданным приобретать европейскую ученость, без малейшей надежды ее применить в действительности.

Отсюда нам ясен крайне идеалистический характер преобразований времен «дней Александровых прекрасного начала», которые должны были подвинуть и значительно подвинули развитие российского образования, но совершенно не добились того результата, на который были рассчитаны, так что через десятилетие сменились на прямо противоположную политику. Велика роль этих преобразований в укреплении Московского университета, даровании ему тех основных принципов, которые, в общем, определяли его дальнейшее развитие, но не решали конкретных трудностей по их реализации. Было восстановлено единое научное пространство между Россией и Европой, и развитие науки по европейскому образцу в Московском университете, значительно замедлившееся в конце XVIII века, вновь получило свежий импульс из род-

ственной в научном плане Германии. Проблема генезиса собственно российских университетских научных школ также относится к этому периоду и тесно связана с меняющейся атмосферой университетской жизни.

Однако главное значение александровских реформ заключалось в том, что распространяя просвещение и способствуя развитию наук, правительство получало в ответ не желаемое приращение абстрактной добродетели подданных, а рост гражданского сознания молодых людей, прошедших новую школу воспитания, для которых образованность и научные знания были неотделимы от желания приносить пользу Отечеству. Таким образом, одно из важнейших мест при исследовании взаимосвязи университета этого периода и общественной жизни занимает вопрос о возникновении и формировании *поколения декабристов*. Для Николая Тургенева научное образование означало занятия политэкономией, для Александра Грибоедова — глубокое знание русской истории, для Петра Чаадаева — штудирование философии Канта, но всех их объединяло одно: чем бы они ни занимались, серьезное отношение к науке, глубина просвещения соприкасались у них с чувством собственной ответственности за судьбу родины, необходимостью высшего служения ей, что в дальнейшем станет сердцевинной идейного содержания движения декабристов. Круг мыслей и переживаний, которые молодые люди питали во время обучения в университете, непосредственно подготавливал их к патриотическому подвигу Отечественной войны 1812 г. Именно это событие, трагически отразившееся и на жизни самого университета, естественно завершает рассматриваемый нами период университетской истории, подводя некоторые его итоги и открывая множество путей его дальнейшего развития¹.

В основе настоящей монографии лежит диссертация автора на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенная им на историческом факультете МГУ. Автор приносит глубокую благодарность своему научному руководителю, академику РАЕН, профессору В. А. Федорову, а также главному научному сотруднику ГИМ Ф. А. Петрову, своими ценными замечаниями много способствовавших к улучшению работы, А. В. Семеновой, Н. В. Минаевой, А. А. Левандовскому, А. П. Шевыреву, А. С. Орлову и всем сотрудникам исторического факультета МГУ, участвовавшим вместе с автором в обсуждении проблем данного исследования.

¹ Судьбе Московского университета в дни Отечественной войны посвящена книга, являющаяся непосредственным продолжением данной работы: Андреев А. Ю. 1812 год в истории Московского университета. М., 1998.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Проблема построения источниковой базы для изучения истории Московского университета в рассматриваемый нами период — от начала XIX в. до пожара Москвы — встает особенно остро, что в первую очередь связано с полным уничтожением при пожаре всего корпуса документов, хранившихся в архиве университетской канцелярии, а также библиотеки университета и его музейных коллекций. Тем самым были утрачены материалы, относящиеся к деятельности совета и правления университета, переписка совета с попечителями учебного округа, послужные списки профессоров и преподавателей, документы учета и контроля успеваемости и посещаемости студентов и гимназистов, копии аттестатов и дипломов, выдаваемых студентам по окончании университета (подлинники этих документов можно встретить в некоторых личных фондах). Вместе со сгоревшей библиотекой исчезли и редкие университетские издания, существовавшие всего в нескольких экземплярах (например, начало выпускаемого Обществом истории и древностей российских издания Повести временных лет). Утраченные коллекции университетских музеев содержали экспонаты, имевшие огромную не только научную, но и историческую ценность. Одновременно с ними сгорели и многие личные собрания профессоров университета вместе с их дневниками и письмами, рассказывающими о жизни университета в допожарной Москве. Практически полностью погибло учебное оборудование университетских лабораторий, физического, химического и медицинского кабинета, отсутствие описаний которых лишает нас существенной информации о развитии университетской науки того времени.

Тем не менее, утрата целого корпуса прямых источников по истории университета за данный период не делает ее создание невозможной, поскольку существует большое количество взаимодополняющих материалов, как архивных, так и опубликованных, которые с той или иной степенью близости оказались связаны с деятельностью университета.

Приступая к обзору архивных фондов, относящихся к университетской истории начала XIX века, отметим, что они естественно разделяются на фонды, связанные с деятельностью правительственных структур, в составе которых университет находился, и фонды личного происхождения. Фонды первой группы очень велики по объему, имеют сложный состав, однако в силу утраты значительного количества документов Московского университета из-за пожара и некоторых других причин, содержат, по большей части, лишь редкие, разрозненные дела интересующего нас периода. Определенной широтой охвата материала отличается лишь фонд Департамента народного просвещения, находившегося в Петербурге, где можно было бы надеяться найти копии многих